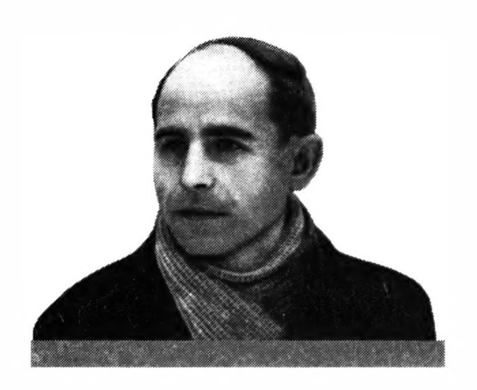

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ **РУБЦОВ**

1936—1971

«Изранена судьба, очаг испепелен»: поиск спасительных вечных причалов — главный смысл духовного пути Рубцова

Замечательный русский композитор XX века Георгий Васильевич Свиридов, с какой-то трогательной нежностью относившийся и к «святой простоте» зрелого Сергея Есенина, и к Николаю Рубцову, «ангелу Родины незлобивой моей», с провидческой грустью сказал в прямой связи с сиротской судьбой этого поэта: «Страшно увеличилось ощущение бездомности русского человека. За последние годы» .

Разве не испытывали чувства сиротства, бездомности Виктор Астафьев, ссыльнопоселенец в Игарке, и заброшенный послевоенной судьбой в Казахстан Евгений Носов, и навсегда потерявший родную деревню, ушедшую с могилами предков на дно рукотворного моря, Валентин Распутин? Тень раннего сиротства, жизни «в людях», без родного очага, коснулась многих писателей, поэтов, певцов. А безотцовщина Шукшина?

Мать умерла.
Отец ушел на фронт.
Соседка злая
Не дает проходу.
Я смутно помню
Утро похорон
И за окошком
Скудную природу.
(«Детство»)

Эти скупые строки воспоминания — и отпечаток индивидуальной судьбы, и часть того общего, типичного, что определяло судьбу поколения, вкусившего горький хлеб военного детства.

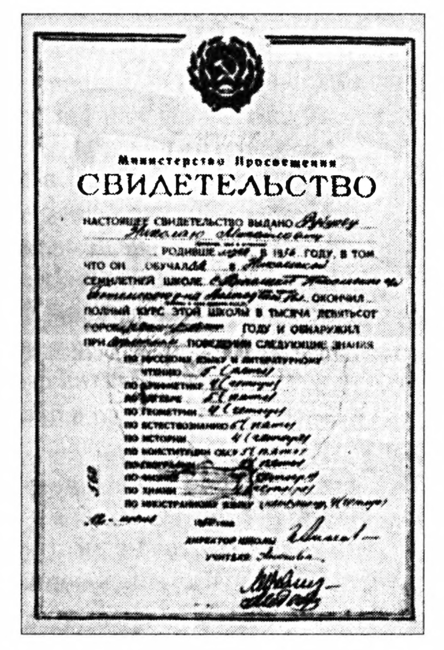
Николай Рубцов родился 3 января 1936 года в городке Емецке Архангельской области. Он был пятым ребенком в семье, в шесть лет (в 1942 году) потерял мать, фактически остался без отца и был отдан в детдом в селе Никольском под Тотьмой. Рубцов испытал горечь сиротства и бездомности, пожалуй, в самой полной, трагической мере. О ребяческой детдомовской «обиде» на раннее сиротство он, в сущности «подранок» войны, скажет еще сдержанно: «Для нас звучало / Как-то незнакомо, / Нас обижало / Слово «сирота»...» Он даже пошутит как-то детски трогательно над случайно выскочившим на дорогу испугавшимся зайчишкой, не знающим:

...Что друзей-то у него
После дедушки Мазая
Не осталось никого...

С годами это чувство одиночества, тоски по своему, родному человеку, по некрасовскому дедушке Мазаю, спасающему зайчишек, а главным образом по матери, обрело почти трагическое звучание. Множество раз Рубцов будет вспоминать — прямо или косвенно — именно

Н. Рубцов в детском доме
в Никольском.
Фрагмент фотографии

Министерство Просвещения

СВИДЕТЕЛЬСТВО

НАСТОЯЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО ВЫДАНО [illegible]
[illegible]
РОДИВШ... [illegible] В 19.. ГОДУ, В ТОМ
ЧТО ОН ОБУЧАЛСЯ В [illegible]
СЕМИЛЕТНЕЙ ШКОЛЕ [illegible]
[illegible] ОКОНЧИЛ
ПОЛНЫЙ КУРС ЭТОЙ ШКОЛЫ В ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ
[illegible] ГОДУ И ОБНАРУЖИЛ
ПРИ [illegible] ПОВЕДЕНИИ СЛЕДУЮЩИЕ ЗНАНИЯ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРНОМУ ЧТЕНИЮ [illegible]
ПО АРИФМЕТИКЕ [illegible]
ПО АЛГЕБРЕ [illegible]
ПО ГЕОМЕТРИИ [illegible]
ПО ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ [illegible]
ПО ИСТОРИИ [illegible]
ПО КОНСТИТУЦИИ СССР [illegible]
ПО ГЕОГРАФИИ [illegible]
ПО ФИЗИКЕ [illegible]
ПО ХИМИИ [illegible]
ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ [illegible]
ДИРЕКТОР ШКОЛЫ [illegible]
УЧИТЕЛЯ [illegible]

Свидетельство об окончании
Н. Рубцовым средней школы

безмолвную, все понимающую мать. «*Мать придет* и уснет без улыбки» («Прощальная песня»); «*Мать моя* здесь похоронена / В детские годы мои» («Тихая моя родина»); «*Матушка* возьмет ведро, / Молча принесет воды» («В горнице»). И если он порой говорил: «Ищу простой сердечный быт» («Кружусь ли я...») — и не находил его вплоть до 33 лет, не имея ни постоянной прописки, ни квартиры, — то имел в виду мать, ее сердце, русский огонек доброты. Можно ли удивляться тому, что после бесконечной смены общежитских коек, после детдома — во время работы на Кировском заводе, работы на тральщике на Балтике, после казарменных «уютов» на Северном флоте, студенческих коек Литературного института с 1962 года — поэт написал предельно искреннее стихотворение о спасительном причале — «Русский огонек»?!

«Музыкальное слово» Николая Рубцова

Стихотворение **«Русский огонек»** (1964) начинается с типичной для Рубцова картины странствий, скитаний. Конечно, скитаний вынужденных, обусловленных множеством причин. Нет особой чуткости в словах тех, кто задним числом говорит ныне о Рубцове: «по натуре Рубцов был бродягой», «образ жизни Рубцов вел беспорядочный, богемный», «был... даже люмпеном». Все похоже и все... неверно. Особенно в свете его же «Русского огонька», даже его прекрасного начала:

Погружены
                    в томительный мороз,
Вокруг меня снега *оцепенели,*
Оцепенели маленькие ели,
И было небо темное, *без звезд.*
Какая глушь! Я был *один живой,*
Один живой в бескрайнем *мертвом* поле!
Вдруг *тихий свет* (пригрезившийся, что ли?)
Мелькнул *в пустыне,*
                                        как сторожевой...
(Выделено мной. — *В.Ч.*)

Боль одиночества не выставлена напоказ, она даже не названа, но отголосок ее звучит в недоверии к огоньку, к свету — «пригрезившийся, что ли?».

По интонации, особой напевности стихотворение изначально противостоит модной в 60-е годы гражданской лирике, с ее громкими возгласами, обращениями к потенциальному читателю. Напевность усиливает повторение глагола «оцепенели», ощущение одиночества подчеркивается двойным повторением сочетания «один живой». Как сильно обозначена тема оцепенения: «мертвое поле», «в пустыне»! Свет огонька в мертвом поле, среди оцепенения не яркий и не слабый — он кроткий, *«тихий»*. «Тихий ангел пролетел»... — не в таком ли свете? Поэт избегает ударных звуков и ударных красок ради одного: усилить звучание столь же тихих, негромких истин, которые живут в сердцах людей, еще поддерживающих огонек, готовых сказать путнику: «Вот печь для вас... И теплая одежда»...

Кто же они, эти держатели спасительного огня, те, кто в ответ на предложение оплатить ночлег, отвечают: «Господь с тобой! Мы денег не берем...»? Они рождают в путнике ответное обещание:

— Что ж, — говорю, — желаю вам здоровья!
За все добро расплатимся добром,
За всю любовь расплатимся любовью...

Это собирательный образ русских женщин, матерей, знающих горечь утрат, переживших гибель сыновей. Как всегда в стихах-сновидениях Рубцова, они в тени. Есть только горестный намек на их сиротство, они живут прошлым. Намек возникает при беглом осмотре «желтых снимков», т.е. фотографий далеких предвоенных и военных лет («сиротский смысл семейных фотографий»). Этот намек усилен дважды повторенным вопросом: «Скажи, родимый, будет ли война?»

Может быть, все очарование лирики Рубцова в подобных молчаливых, во всяком случае немногословных душевных движениях? В способности поэта переживать как свою боль далекие и чужие утраты? В его муках печали, меланхолии образ дорогого ему человека, той же матери, образ себя самого в детстве так хочется возродить, удержать в памяти!

Финал изумительного стихотворения — это уже апофеоз добра, громкое утверждение мысли, что еще «свет не без добрых людей», что среди всеобщего кочевья, временных причалов и приютов жив этот огонек:

Спасибо, скромный русский огонек,
За то, что ты в предчувствии тревожном

Горишь для тех, кто в поле бездорожном
От всех друзей отчаянно далек,
За то, что, с доброй верою дружа,
Среди тревог великих и разбоя
Горишь, горишь, как добрая душа,
Горишь во мгле — и нет тебе покоя...

В других стихотворениях тема «русского огонька», расплаты добром за добро, как воплощение истинной взаимосвязи людей, принимает характер молений, просьб к России, предостережений. Действительно, «нет тебе покоя». В стихотворении **«Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны...»** (1963) поэт говорит о своих страхах перед измельчанием человеческих душ. Он обнажает временность множества «истин» грубого преуспевания, эгоизма, безбожия. Лирическая личность, создаваемая поэтом, явно укрупняется: ей ведома и православная панорама мира с некоей возвышенной силой, и суета массового измельчания:

Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом,
Что, все понимая, без грусти пойду до могилы...
Отчизна и воля — останься, мое божество!

Без грусти, без утрат, оказывается, нельзя идти в жизни... Мелководье, упрощение — это уже полная утрата того, что «душа хранит» (не память, а душа). Поэт словно предугадал то, что ныне философы называют главным мошенничеством массовой, клиповой, рекламной псевдокультуры: «Создание образа жизни без утраты... В рекламе жизнь — это жизнь в ничем не ограниченной полноте, потому что в любой момент мы можем докупить себе новую вещь и переживать жизнь еще прекрасней» (*М. Янион*). Но вместе с такой безгранично «счастливой» жизнью исчезает и память о родстве, и способность к боли и состраданию. Возникает не очаг тепла, не «русский огонек», а лживая общность людей с урезанными желаниями и чувствами. Замолкает целый оркестр чувств. А потому поэт вновь и вновь уверяет себя и других: «В этой деревне *огни* не погашены, / Ты мне тоску не пророчь!» («Зимняя песня»); «*Огонь* в печи не спит, перекликаясь / С глухим дождем, струящимся по крыше» («Осенние этюды»); «Россия, Русь! Храни себя, храни!» («Видения на холме») и др.

*САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Прочитайте стихотворение Н. Рубцова «Душа хранит» (1966) и проанализируйте его, опираясь на следующие вопросы и задания.

1. Обратитесь к первой строфе стихотворения. Что скрывается за внешней, изобразительной стороной представленной поэтом картины? Сопоставьте ее с началом известного стихотворения А. Блока «Река раскинулась. Течет, грустит лениво...» из цикла «На поле Куликовом».
2. С помощью каких художественных средств создается собирательный образ Руси во второй строфе? Почему Божий храм отражается не гладью водного зеркала, а его «глубиной»?
3. В чем смысл метафоры «Русь — великий звездочет»? Что противопоставляет поэт разрушительной силе времени?
4. Как последняя строфа стихотворения соотносится с его заглавием? В чем для поэта выражается «красота былых времен»?
5. Выделите ключевые образы стихотворения, раскройте многозначность их звучания. В каком отношении можно говорить о «программности» этого стихотворения в творчестве Рубцова? Прокомментируйте следующее высказывание известного критика В. Кожинова о поэзии Н. Рубцова: «Дело вовсе не в том, что поэт говорит нечто о природе, истории, народе... Дело в том, что в его поэзии как бы говорят сами природа, история, народ. Их живые и подлинные голоса естественно звучат в голосе поэта, ибо Николай Рубцов... был, по слову Есенина, поэт "от чего-то", а не "для чего-то"».

В звучании тишины

Лаконичное стихотворение **«В горнице»** (1963) имеет удивительный зачин (*запев*):

В горнице моей светло,
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды.

Поэт, по сути, раскрывает секрет негасимости «русского огонька»: он способен оживать и в свете «звезды полей», в свете того, что душа хранит, в особом звучании тишины Родины. Если Рубцов действительно был «путником на краю поля», как удачно сказал его биограф

Николай Коняев, то весь путь этого путника, как общенационального поэта, состоял из уходов и возвращений. Он весь в кружении, в непокое, полон обостренного слуха («Я люблю, когда шумят березы», «Острова свои обогреваем», «И меж берез, домов, поленниц / Горит, струясь, небесный свет!» и др.). Он уходит и... не уходит. Не следует поэтому печалиться вместе с поэтом, уверявшим в «Дорожной элегии», что он вечно в разлуке с чем-то дорогим:

Дорога, дорога.
Разлука, разлука.
Знакома до срока
Дорожная мука.

И отчее племя,
И близкие души,
И лучшее время
Все дальше, все глуше...

В действительности (и это секрет «легкой светописи» всей поэзии Рубцова) светлые души и мгновения всегда с ним. Они все ближе и ближе...

Что же за горница возникает в стихотворении «В горнице»?

Загадочно в самом запеве этого стихотворения многое. Откуда явилась в эту горницу, освещенную даже не светом луны, что вполне возможно, а светом звезды молчаливая мать, названная нежно — «матушка»? Не частица ль это страдающей души, все той же сиротской души поэта? Как возникает это ведро, полное живой воды (полное ведро — к счастью), и даже не ведро, а, скорее, тема какой-то жажды душевной, чувство неисполненного долга?

Две следующие строфы стихотворения о неполитых, увядших цветах «в садике моем», о лодке, забытой, догнивающей на речной мели, наконец, обещание: «Буду поливать цветы, / Думать о своей судьбе» приближают читателя к далекому 1942 году. Тогда чужие люди объявили пятерым детям: «Ваша мама умерла». Драма не развернута, сжата, уведена внутрь. Не все объясняет и подсказка исследователей: мол, поэт забыл снабдить стихотворение подзаголовком «сон», хотя оно явно разворачивает именно сновидение, возрождает свет звезды, который освещает никогда не умиравшую в памяти поэта мать. А горница — это его душа. Это все отчасти справедливо, но всегда необходимо включать в анализ этого стихотворения и другие строки поэта о матери, о ночной звезде, о лодке. Ведь увядшие красные цветы возникают еще раз в стихотворении «Аленький цветок», в котором поэт вспомнит одну из немногих идиллических картин своего детства:

В зарослях сада нашего
Прятался я как мог.
Там я тайком выращивал
Аленький свой цветок...

Его, этот цветок, он нес за гробом матери... Может быть, и он, цветок, нереален, символичен, как и лодка — символ движения на тот берег, в шумную сложную жизнь... И реальность сновидения («сон окутал родину мою») — это всегда самая доподлинная реальность для поэта: в ней смягчены боли и обиды, здесь поэт спасает свое «я»!

Анализ черновых вариантов этого стихотворения, в котором тень матери всколыхнула душу, а ночная звезда осветила вечное обязательство взращивать этот цветок, знак благодарности матери, любви («буду поливать цветы»), позволяет создать множество дополнительных версий его понимания. Да, это сон, а свет звезды — это свет, замерцавший в душе... И эти «красные цветы мои», что в «садике завяли все», неразрывно связаны с матерью, с ее смертью. В черновиках остались две чудесные строфы, к сожалению, вычеркнутые:

Сколько же в моей дали
Радостей пропало, бед?
Словно бы при мне прошли
Тысячи безвестных лет.

Словно бы я слышу звон
Вымерших пасхальных сел...
Сон, сон, сон
Тихо затуманит все...

«Россия, Русь! Храни себя, храни!»

Диалог поэта с Россией в стихотворениях «Душа хранит», «Тихая моя родина», «Над вечным покоем», «Журавли», «Ферапонтово» не имел аналогов в поэзии 60—80-х годов.

Их и сейчас часто не понимают, создавая из поэзии Рубцова «страну без соседей». Вошло в моду подчеркивать явную «нездешность» Рубцова, его ангельскую природу, его обращение только к таинственным, «бездонным глубинам, недоступным для государства и общества, созданным цивилизацией», к безначальной «стихии ветра», к пению «незримых певчих» (*В. Кожинов*), подчеркивать его причастность

«к тому, что, в сущности, невыразимо» (*М. Лобанов*). Биограф поэта Николай Коняев порой эту легенду о нездешности Рубцова, этакого Моцарта, занесшего в нашу эпоху несколько «песен райских», доводит до предела. Даже обычный ливень, затяжной дождь («Седьмые сутки дождь не умолкает, / И некому его остановить...») для биографа связан «с грозным десятым стихом из седьмой главы книги «Бытие»: «Через семь дней воды потопа пришли на землю». Да ведь такие потопы на Вологодчине вполне естественны: это вовсе не наказание земле за то, что «она растленна, ибо всякая плоть извратила путь свой на земле».

Если верить в такие высокие, но все-таки книжные истоки сновидений Рубцова, то почему она не столь тяжеловесна, как поэзия премудрого его земляка Н. Клюева, почему его певческая сила столь близка, понятна, открыта всем? И почему потребность в его слове так конкретна, так определенна у всех, кто жаждет очиститься, просветлиться перед памятью поэта? Кто жаждет повторить вслед за поэтом — как вызов всему жестокому, бесчестному, что грубо навязывается Родине — его строки:

До конца
До тихого креста
Пусть душа
Останется чиста!
Перед этой
Желтой, захолустной
Стороной березовой
Моей.

Диалог поэта с Родиной, Русью или с «этой деревней», в которой «огни не погашены», наконец, со «старой дорогой», где «русский дух в веках произошел», как правило, свершается под знаком вечности. На часах поэта как будто нет секундных стрелок современности. Здесь — века, здесь стоит «как сон столетий, Божий храм». И даже мелькает береза — «старая, как Русь, — / И вся она как огненная буря» («Осенние этюды»). Вечной музыкой ему представляется, скорее, шум берез, нежели перипетии обыденной жизни:

...Слушаю — и набегают слезы
На глаза, отвыкшие от слез.

Все очнется в памяти невольно,
Отзовется в сердце и крови.

Еще большую власть над временем имеет светлая печаль путешествий в детство: она «как лунный свет овладевает миром». В целом, если учесть, что поэт нередко создает, уточняет смысл образа «звезда полей» в разных стихотворениях, говоря даже о России: «О, Русь — великий звездочет», сам образ Руси для него высок, несокрушим и свят. Ее звезд — не свергнуть с высоты!

При жизни Николай Рубцов выпустил всего четыре небольших книги лирики: «Лирика» (1965), «Звезда полей» (1967), «Душа хранит» (1969) и «Сосен шум» (1970). Лишь на первых порах — и то крайне непрочно, уступая, может быть, давлению «вологодской школы» — он наспех вписался в среду так называемых «почвенников», «деревенщиков», заступившись за деревню, за избу — малую модель вселенной:

Ах, город село таранит!
Ах, что-то пойдет на слом!
Меня все терзают грани
Меж городом и селом...

В дальнейшем поэт как бы вышел из этих плотных публицистических рядов, где провозглашали, что «добро должно быть с кулаками» (*С. Куняев*), где сетовали при виде окраины бараков («И города из нас не получилось, / И навсегда утрачено село» (*А. Передреев*). Или пробовали — что тоже было творческим подвигом! — увековечить красоту особого «лада», соборного строя душ и единения без принуждения, в споре с надвигавшимся на село «разладом» («Лад» В.И. Белова).

По сути дела, все чудесные запевы, зачины рубцовской лирики — это взлеты чувства над любой публицистикой, над всеми, что

...ищут драки
на газетных и прочих полях...

Вечное и современное плотно сплелись, сгустились в его зрелой лирике. Переберите в памяти хотя бы некоторые из рубцовских запевов, обращений к себе или к Руси: это часто самостоятельные, *миниатюрные стихотворения* из одной или нескольких строк. Они преисполнены опыта страданий века и сострадания, молитвенной страстности:

Остановись, дороженька моя!
(*«Гуляевская горка»*)

Горел прощальный наш костер,
Как мимолетный сон природы...
(*«Прощальный костер»*)

В минуты музыки печальной
Я представляю желтый плес.
(*«В минуту музыки»*)

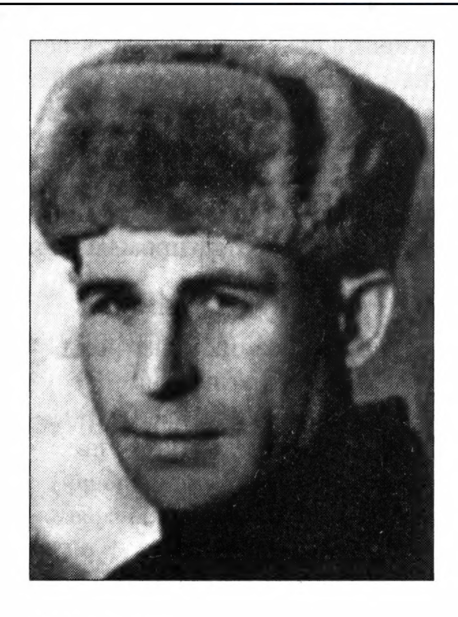
С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.
(*«Тихая моя родина!»*)

Кажется, что это остановленный «час души», миг души... Текста мало, а подтекст беспределен, произнесенное слово быстро отзвучит, но «эхо», «звучащая» пауза не кончается, длится, становясь содержанием. Егор Исаев, издавший рубцовскую «Звезду полей» в издательстве «Советский писатель» (1967), справедливо сказал, что в свой диалог с Россией поэт внес всего себя, всю нежность и бескорыстие надежд, веры, внес свою «даль памяти» и «суд памяти»:

«Есть задушевность, раздумчивость и какая-то тихая ясность беседы. В ней есть своя особая предвечерность — углубленный звук, о многом *говорящая пауза*... Слово его не столько обозначает предмет, сколько живет предметом, высказывается его состоянием. Да, она (поэзия Рубцова. — *В. Ч.*) во многом — о прошлом. Но мимолетное прощание всегда предопределяется мимолетностью и несерьезностью встреч. И такая мимолетность не свойственна творчеству Рубцова. Он если прощается, то обязательно любя. *Он как бы печалуется любовью. А если уж встречается, то тоже для того, чтобы полюбить. Его стихи учат чувству мучительного постоянства*» (выделено мной. — *В. Ч.*).

В диалоге с Россией Рубцов обладал, конечно, одним поистине беспредельным простором, которого, как он предвидел, больше всего страшились все недруги России: ему было необыкновенно *просторно не в прошлом*, а *в вечном*, там, где «русский дух в веках произошел» («Старая дорога»), где царствует «бессмертных звезд Руси, / Спокойных звезд безбрежное мерцанье» («Видения на холме»). Он буквально увлекал и утешал тех, кто еще искал единения с душой Родины, с ее песней, с ее святой простотой:

О, сельские виды! О дивное счастье родиться
В лугах, словно ангел, под куполом синих небес!
Боюсь я, боюсь я, как вольная сильная птица,
Разбить свои крылья и больше не видеть чудес!

Н.М. Рубцов

И потому, как проницательно заметил критик В. Кожинов, Рубцову так необходим был почти неземной свет, идеальнейший, звучащий вид материи. Во всей его поэзии много молчания, много невысказанных вопросов, почти отсутствуют ударные краски, собственно красочность. Но в ней живет — в любой строке, в любом пейзаже — *свет.*

Светлый покой
Опустился с небес.

Когда заря, *светясь* по сосняку,
Горит, горит, и лес уже не дремлет.

Светлыми звездами нежно украшена
Тихая зимняя ночь...
(Выделено мной. — *В.Ч.*)

Это, конечно, свет той печали, о которой Пушкин сказал: «Печаль моя светла». И свет сердца, почти начало «святости» в душе. Ведь молитва — это тоже свет, свечение и мерцание доброты, начало «русского огонька». «В душевном порыве, в красках его поэзии, — писал о Рубцове Г.В. Свиридов в своем дневнике, — с преобладанием густого черного цвета, столь характерного для Севера России, в

итоге побеждает именно свет, сберегающий связь времен, отгоняющий все беззвездные кошмары, способные оцепенить природу и народ». И понятия «национальная идея», «русская идея» для Рубцова — это совсем не то, что выдумали, напророчили те или иные движения, партии, мыслители, а то, что «возвышенная сила», в конечном счете Бог, предопределили России, промыслили про ее судьбу, про ее вечность. Долг поэта — разгадать этот промысел, раскрыть «что-то Божье в земной красоте»:

И однажды возникло из грезы,
Из молящейся этой души,
Как трава, как вода, как березы,
Диво дивное в русской глуши!
(*«Ферапонтово»*)

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Как известно, Сергей Есенин, назвавший себя «поэтом золотой бревенчатой избы», возражал против сужения его творчества до «деревенской» темы. Что можно сказать в этой связи о лирике Николая Рубцова? Что, по вашему мнению, составляет ее внутренний стержень?
2. «Душа», «свет», «звезда», «лодка» — эти и другие образы-мотивы являются ключевыми для рубцовской лирики. Проследите их развитие в стихотворениях поэта разных лет. Меняется или остается неизменным их внутренний смысл?
3. В жизни каждого поэта есть свои вершины и свои «бездны». Как в творчестве Рубцова соотносятся «кризисные» мотивы («Я умру в крещенские морозы...», «Гость», «Посвящение другу») и пафос жизнеутверждения, жизнеприятия («Подорожники», «Доволен я буквально всем!», «Букет»)? Что ближе для вас в рубцовской лирике?

*4. В творчестве Рубцова немало стихов, посвященных великим русским поэтам («О Пушкине», «Приезд Тютчева», «Сергей Есенин»). Ощущается ли влияние указанных авторов на лирику Рубцова? Проиллюстрируйте свои наблюдения.

*5. Составьте тематический «календарь» рубцовской лирики. Как представлены в ней времена года и какие мотивы связаны с каждым из них?

6. Как в лирике Рубцова представлен мир «братьев меньших» («Воробей», «Про зайца», «Медведь» и др.)? Что сближает эти стихи с известными произведениями Некрасова и Есенина?

7. В чем заключается «феномен» Рубцова, лирика которого стала общенациональным достоянием? Что, по вашему мнению, составляет наиболее важную черту творчества поэта?

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

«Тихая» лирика.
Напевный стих.
«Лирическая светопись».
«Говорящая» пауза.

ТЕМЫ СОЧИНЕНИЙ

1. Образ «тихой родины» в лирике Н. Рубцова.
2. Жанр стихотворения-«предупреждения» в поэзии Н. Рубцова.
3. «Здесь русский дух в веках произошел» (по лирике Н. Рубцова).
4. Образ Матери и мотив Дома в лирике Н. Рубцова.

ДОКЛАДЫ И РЕФЕРАТЫ

1. Темы и мотивы русской классики в поэзии Н. Рубцова.
2. Стихотворение Н. Рубцова «В горнице»: ранние редакции и опыт анализа.
3. Мотив сиротства в поэзии Н. Рубцова.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Бараков В.* Лирика Николая Рубцова. Вологда, 1993.
2. *Белков В.* Жизнь Рубцова. Вологда, 1993.
3. Воспоминания о Н. Рубцове. Архангельск; Вологда, 1983.
4. *Кожинов В.* Николай Рубцов. М., 1976.
5. *Коняев Н.* Николай Рубцов. М., 2001. (ЖЗЛ).
6. Николай Рубцов: Вологодская трагедия / Сост., подгот. текстов Н.М. Коняева. М., 1998.